

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА
ДОПИНГОВЫЕ НАРУШЕНИЯ: ШАГ К LEX SPECIALIS В ПРАВЕ
УЗБЕКИСТАНА**

Алиакбаров Алиакбар Музаффаржон угли

Магистр направления «Спортивное право»

Ташкентский государственный юридический университет

***Аннотация:** В статье исследуется проблема гражданско-правовой ответственности за нарушения антидопинговых правил (допинговые нарушения) и перспективы выделения *lex specialis* в спортивном праве Республики Узбекистан. Проведен анализ международных актов – прежде всего Всемирного антидопингового кодекса и Международной конвенции ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте – а также национального законодательства Узбекистана, регулирующего борьбу с допингом. Рассматриваются примеры правоприменительной практики (дисциплинарные кейсы допинговых нарушений как на международном уровне, так и в Узбекистане), дается теоретическое обоснование необходимости гражданско-правовой ответственности за допинговые правонарушения. Особое внимание уделено принципу *lex specialis* – соотношению специальных антидопинговых норм с общими положениями права – и тенденциям развития спортивного права Узбекистана в направлении специализированного регулирования допинга. В результате исследования выявлены текущие пробелы и противоречия в законодательстве, обоснована целесообразность разработки специальных норм (или отдельного закона) о допинге как *lex specialis*, а также*

предложены рекомендации по совершенствованию законодательства с учетом международных стандартов и национальных особенностей.

Ключевые слова: Допинг; антидопинговые правила; гражданско-правовая ответственность; спортивное право; *lex specialis*; Всемирный антидопинговый кодекс; Узбекистан; юридическая ответственность; международное спортивное право; WADA.

CIVIL-LAW LIABILITY FOR DOPING VIOLATIONS: A STEP TOWARD A LEX SPECIALIS IN THE LAW OF UZBEKISTAN

Aliakbarov Aliakbar Muzaffarjon ugli

Master's degree in the direction of "Sports Law"

Tashkent State University of Law

Abstract: *the article explores civil-law liability for violations of anti-doping rules (doping violations) and the prospects for establishing a lex specialis within the sports law of the Republic of Uzbekistan. It analyzes international instruments—primarily the World Anti-Doping Code and the UNESCO International Convention against Doping in Sport—together with Uzbekistan's national legislation governing the fight against doping. Examples of enforcement practice (disciplinary doping cases at both the international level and within Uzbekistan) are reviewed, and a theoretical rationale is provided for introducing civil-law liability for doping offences. Particular attention is paid to the lex specialis principle—the relationship between special anti-doping norms and the general provisions of law—and to the development trend of Uzbek sports law toward specialized regulation of doping. The study identifies current gaps and inconsistencies in the legislation, substantiates the advisability of developing special norms (or a standalone law) on doping as a lex specialis, and offers*

recommendations for improving the legal framework in line with international standards and national specificities.

Keywords: *doping; anti-doping rules; civil liability; sports law; lex specialis; World Anti-Doping Code; Uzbekistan; legal liability; international sports law; WADA.*

**DOPINGA OID HUQUQBUZARLIKLAR UCHUN
FUQAROVIIY-HUQUQIY JAVOBGARLIK: O‘ZBEKISTON HUQUQIDA
LEX SPECIALIS SARI QADAM**

Aliakbarov Aliakbar Muzaffarjon o‘g‘li

“Sport huquqi” yo‘nalishi magistri
Toshkent Davlat yuridik universiteti

Annotatsiya: *ushbu maqolada antidoping qoidalarini buzish (doping huquqbuzarliklari) uchun fuqaroviy-huquqiy javobgarlik masalasi hamda O‘zbekiston Respublikasi sport huquqida lex specialisni ajratish istiqbollari tadqiq qilinadi. Xalqaro hujjatlar — avvalo Jahon Antidoping Kodeksi va YUNESKOning Sportda Dopinga Qarshi Kurash bo‘yicha Xalqaro Konvensiyasi — hamda O‘zbekistonda dopinga qarshi kurashni tartibga soluvchi milliy qonunchilik tahlil qilindi. Shuningdek, huquqni qo‘llash amaliyotidan (xalqaro va mahalliy intizomiy doping ishlaridan) misollar ko‘rib chiqildi hamda doping huquqbuzarliklari uchun fuqaroviy-huquqiy javobgarlik zarurati nazariy jihatdan asoslab berildi. Lex specialis prinsipiga — maxsus antidoping normalarining umumiy huquq normalari bilan nisbatiga — va O‘zbekiston sport huquqining dopingni maxsus tartibga solish yo‘nalishidagi rivojlanish tendensiyalariga alohida e‘tibor qaratildi. Tadqiqot natijasida amaldagi qonunchilikdagi bo‘shliqlar va ziddiyatlar aniqlanib, doping bo‘yicha lex specialis (yoki alohida qonun) ishlab chiqish*

maqsadga muvofiqligi asoslab berildi hamda xalqaro standartlar va milliy xususiyatlarni inobatga olgan holda qonunchilikni takomillashtirish bo'yicha tavsiyalar ilgari surildi.

***Kalit so'zlar:** Doping; antidoping qoidalari; fuqaroviy-huquqiy javobgarlik; sport huquqi; lex specialis; Jahon Antidoping Kodeksi; O'zbekiston; yuridik javobgarlik; xalqaro sport huquqi; WADA.*

ВВЕДЕНИЕ

Проблема допинга в спорте уже давно вышла за пределы узкоспортивной сферы и стала предметом правового регулирования на международном и национальном уровнях. Допинговые скандалы подрывают принципы честной игры, ставят под сомнение результаты соревнований и наносят вред здоровью спортсменов. В ответ международное сообщество выработало целостную антидопинговую систему, основанную на Всемирном антидопинговом кодексе (ВАК) Всемирного антидопингового агентства (WADA) и Международной конвенции ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте 2005 года¹. Данные акты направлены на унификацию правил и мер ответственности за допинг в глобальном масштабе, формируя своего рода *lex sportiva* – особую систему норм, применяемых в спорте.

В то же время возникает вопрос о роли национальных правовых систем в борьбе с допингом. Традиционно нарушения антидопинговых правил рассматривались как предмет внутреннего регулирования спортивных организаций (дисквалификации, аннулирование результатов и пр.), без

¹<https://president.uz/ru/lists/view/1405#:~:text=>.
SJIF:5.219

привлечения механизмов гражданского или уголовного права. Однако в последние годы наметилась тенденция к “юридизации” спорта: государства все чаще вмешиваются в эту сферу, вводя специальные нормы и санкции в национальное законодательство. Появляются идеи о необходимости гражданско-правовой, административной и даже уголовной ответственности за допинговые нарушения, особенно в случаях, когда допинг наносит ущерб другим спортсменам, спонсорам или спортивным организациям.

Для права Узбекистана данная тема приобретает особую актуальность. Республика Узбекистан, ратифицировав в 2010 году Международную конвенцию против допинга, взяла на себя обязательства по имплементации международных стандартов борьбы с допингом. Законодательной основой служит Закон «О физической культуре и спорте» (в новой редакции 2015 г.), который ввел в национальное право базовые понятия и нормы, связанные с допингом². Создано Национальное антидопинговое агентство (НАДА), ответственное за реализацию политики WADA и проведение допинг-контроля. В 2023 году статус НАДА был повышен до республиканского органа исполнительной власти, непосредственно подотчетного Правительству и Президенту – этот шаг свидетельствует о растущем внимании государства к проблеме допинга.

Несмотря на предпринимаемые меры, в Узбекистане продолжают фиксироваться случаи нарушений антидопинговых правил. По данным НАДА, только за девять месяцев 2024 года выявлены запрещенные вещества у 6 спортсменов (они подвергнуты дисквалификациям) и вынесено 11

² <https://lex.uz/uz/docs/2742238>.

предупреждений. Среди недавних инцидентов – дисквалификация на два года олимпийского чемпиона Улугбека Рашитова за тройной пропуск допинг-тестов (нарушение правил доступности для тестирования)³, а также аннулирование результатов ведущего тяжелоатлета Руслана Нурудинова после обнаружения у него допинга в ходе повторной проверки олимпийских проб. Эти случаи демонстрируют, что проблема допинга затрагивает даже титулованных спортсменов, требуя эффективных механизмов ответственности.

Цель данной статьи – проанализировать, каким образом гражданско-правовая ответственность может применяться в отношении допинговых нарушений и означает ли это формирование в спортивном праве Узбекистана специального режима (*lex specialis*), отличного от общих норм гражданского законодательства. В рамках исследования решаются следующие задачи:

- изучить международно-правовые источники, устанавливающие стандарты ответственности за допинг (Всемирный антидопинговый кодекс, Конвенция ЮНЕСКО и др.), и их соотношение с национальным правом;
- проанализировать нормы законодательства Узбекистана, посвященные противодействию допингу, включая определения допинга, права и обязанности спортсменов, санкции и механизмы правоприменения;
- рассмотреть существующие виды юридической ответственности за допинговые нарушения (спортивную, гражданско-

³ <https://vesti.uz/uzbekskij-chempion-skryvalsja-ot-proverki-na-doping>.

правовую, административную, уголовную) на примерах зарубежного опыта и теоретических разработок;

- выявить пробелы и коллизии (если таковые имеются) между специальными антидопинговыми нормами и общими нормами гражданского права в Узбекистане, обсудить принцип *lex specialis derogat generali* в данном контексте;
- сформулировать предложения по развитию законодательства Узбекистана в направлении *lex specialis* в сфере борьбы с допингом, с учетом тенденций сравнительного права.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. Применен системно-структурный анализ нормативных актов международного и национального уровня, регламентирующих противодействие допингу. С помощью формально-юридического метода исследованы положения законодательства Узбекистана (законы, подзаконные акты) на предмет их соответствия международным стандартам и внутренней согласованности. Использован сравнительно-правовой метод – проведен обзор подходов к юридической ответственности за допинг в других государствах (Россия, страны Европы, международная спортивная юрисдикция), что позволило выявить варианты *lex specialis* в данной сфере. Кроме того, привлекался историко-правовой метод (для понимания эволюции антидопингового регулирования) и метод кейс-стади: проанализированы конкретные дисциплинарные случаи допинга, решения

Спортивного арбитражного суда (CAS) и национальных органов, чтобы проследить применение тех или иных норм на практике.

Эмпирическую базу исследования составили тексты международных документов (Конвенция против допинга 2005 г., Всемирный антидопинговый кодекс 2021 г. и др.), законодательство Республики Узбекистан (Закон «О физической культуре и спорте» 2015 г. в актуальной редакции, постановления Президента и Правительства по вопросам деятельности НАДА), а также сведения из открытых источников о допинговых кейсах, включая официальные пресс-релизы и сообщения СМИ. Теоретическую основу работы составили труды в области спортивного права и международного права – исследования о *lex sportiva*, комментарии к ВАК, публикации о юридической ответственности в спорте (в частности, работы российских авторов, анализирующие многоуровневую систему ответственности за допинг).

Достоверность полученных выводов обеспечивается опорой на официальные источники и данные, а также сопоставлением различных точек зрения. При изложении результатов исследования соблюдаются академический стиль и принципы объективности, аргументация строится на нормах права и фактических примерах.

Результаты исследования.

Международно-правовые основы ответственности за допинг

Борьба с допингом в современном спорте опирается на ряд международных нормативных актов и институтов, формирующих единые правила и стандарты ответственности для всех стран-участниц. Ключевым SJIF:5.219

документом является Всемирный антидопинговый кодекс (BAK) – свод норм, разработанный Всемирным антидопинговым агентством (WADA) и впервые принятой в 2003 году (действующая редакция – 2021 года). Кодекс не является международным договором в классическом понимании; его сила обеспечивается путем добровольного присоединения к нему международных спортивных федераций, национальных олимпийских комитетов и антидопинговых организаций. В то же время через Международную конвенцию ЮНЕСКО 2005 г. государства обязались поддерживать принципы Кодекса на национальном уровне. Узбекистан ратифицировал эту Конвенцию Законом № ЗРУ-275 от 27.12.2010 г., тем самым признав необходимость гармонизации своего законодательства с международными антидопинговыми стандартами.

Национальное законодательство Узбекистана о противодействии допингу

Закон «О физической культуре и спорте» (2015) и антидопинговые нормы. Базовым актом, определяющим государственную политику в сфере спорта, является Закон РУз «О физической культуре и спорте». В новой редакции этого Закона, принятой 4 сентября 2015 года (№ ЗРУ-394), были впервые закреплены нормы, касающиеся предупреждения допинга и ответственности за него. В частности, статья 27 прямо посвящена предотвращению допинга в спорте и борьбе с ним. Закон содержит легальное определение допинга: им признается нарушение антидопингового правила, в том числе использование либо попытка использования запрещенной субстанции или метода, включенных в соответствующий перечень. Такое

SJIF:5.219

определение согласуется с терминологией Всемирного кодекса, фактически транслируя в национальное право основные понятия WADA.

Закон устанавливает, что предотвращение допинга и борьба с ним осуществляются в соответствии с антидопинговыми правилами, утвержденными международными антидопинговыми организациями. Эта норма имеет принципиальное значение: она означает, что Узбекистан имплементирует правила WADA напрямую, признавая их приоритет над внутренними нормами в данной сфере. Проявлением *lex specialis* здесь служит отсылка к внешнему нормативному массиву – международным стандартам – которым должны соответствовать все национальные субъекты спорта. Таким образом, список нарушений антидопинговых правил, порядок допинг-контроля, процедуры рассмотрения дел и пр. регламентируются не отдельным узбекским нормативным актом, а именно кодексом WADA и связанными с ним международными стандартами. Законодатель лишь закрепил обязанность спортсменов и иных лиц соблюдать эти правила. В частности, ст. 30 Закона относит к обязанностям спортсмена соблюдение антидопинговых правил и предоставление информации о своем местонахождении для допинг-контроля. Аналогичные обязанности возложены на тренеров и иных специалистов, работающих со спортсменами.

Закон также перечисляет, какие действия считаются нарушением антидопинговых правил – фактически повторяя пункты Кодекса WADA: от наличия запрещенных субстанций и отказа от тестирования до распространения допинга и применения допинга к животным, участвующим в спортивных соревнованиях. Вводится понятие спортивной

SJIF:5.219

дисквалификации – отстранение спортсмена от участия в соревнованиях за нарушение антидопинговых правил. При этом закон устанавливает прямой запрет: не допускается нарушение антидопинговых правил спортсменами, тренерами и другими специалистами, а факт нарушения должен устанавливаться аккредитованными лабораториями WADA. Данное положение декларирует незаконность допинга, однако конкретные санкции или порядок их применения в тексте закона не раскрываются – предполагается, что эти вопросы урегулированы антидопинговыми правилами.

Ответственность за допинг по законодательству Узбекистана.

Прямого указания на гражданско-правовую или иную юридическую ответственность спортсменов за допинг Закон “О физической культуре и спорте” не содержит, ограничиваясь отсылкой к тому, что виновные лица несут ответственность в установленном порядке (ст.47)⁴. Фактически это бланкетная норма, предполагающая применение иных актов. Каких именно? Можно предположить несколько уровней:

- спортивная (дисциплинарная) ответственность. Она реализуется через антидопинговые правила, действующие в спортивных организациях. В Узбекистане разработаны Национальные антидопинговые правила (утверждены решением НОК или уполномоченного органа, на основе типового кодекса WADA). Эти правила, по сути, дублируют Всемирный кодекс, устанавливая процедуры расследования допинговых случаев и наложения санкций (дисквалификаций и пр.). В них же может быть

⁴ <https://lex.uz/uz/docs/2742238>.

предусмотрено, что спортсмен обязан вернуть медали, призовые выплаты, полученные незаконно под воздействием допинга.

- **трудовая ответственность.** Если спортсмен состоит в трудовых отношениях (например, является сотрудником спортивного клуба, Центра олимпийской подготовки и т.п.), применение допинга может рассматриваться как грубое нарушение трудовых обязанностей. Трудовой кодекс РУз прямо не упоминает допинг, но работодатели вправе предусмотреть в контрактах условие о соблюдении спортсменом антидопинговых правил. Несоблюдение этих правил теоретически может повлечь дисциплинарные взыскания, вплоть до увольнения. Аналогичная норма, к слову, закреплена в трудовом законодательстве РФ – ст. 348.2 ТК РФ обязывает спортсмена соблюдать антидопинговые правила, что позволяет увольнять за их нарушение. В Узбекистане специальных норм ТК на этот счет пока нет, но практика может восполнять пробелы, квалифицируя допинг как нарушение спортивного режима.

- **административная или уголовная ответственность.** В Кодексе об административной ответственности Узбекистана специальных статей, карающих за употребление допинга спортсменом, не обнаруживается. В Уголовном кодексе также отсутствуют нормы, аналогичные, например, российским ст. 230.1–230.2 УК РФ (наказание за склонение к допингу и использование допинга в отношении спортсмена). Однако общие составы могли бы применяться к деяниям, связанным с допингом: например, если распространение допинга сопряжено с незаконным оборотом сильнодействующих веществ, либо если должностное лицо покрывает

SJIF:5.219

допинговые случаи, это может подпадать под коррупционные или иные статьи. Пока прецедентов в открытом доступе нет. Тем не менее, указанные изменения в российском УК, введенные в 2016 г., свидетельствуют о тренде на криминализацию наиболее опасных форм допинговых нарушений. Узбекистан, вероятно, учитывает этот опыт, хотя на сегодняшний день опирается на дисциплинарные механизмы.

- **гражданско-правовая ответственность.** Специальных норм Гражданского кодекса РУз, прямо затрагивающих допинг, нет. Однако возможны ситуации, когда гражданско-правовые инструменты задействуются *post factum*. Например, если спортсмен, виновный в допинге, причинил материальный ущерб организации – тот же клуб может потребовать возмещения убытков (неустойки) за срыв соревнований или утрату командного результата. Спонсоры, заключившие с атлетом контракт, нередко включают условие о недопустимости допинга; нарушение влечет расторжение договора и выплату штрафных санкций. То есть, ответственность носит договорный характер. Кроме того, организаторы соревнований могут предъявлять иски о возмещении репутационного ущерба или возврате призовых. В целом, в российской доктрине отмечается, что гражданско-правовая ответственность за допинг реализуется в форме возмещения убытков (ст.15 ГК РФ), взыскания неустоек, штрафов и т.п.. Аналогичные механизмы теоретически применимы и в Узбекистане на основании общих положений ГК об ответственности за нарушение обязательств или причинение вреда. Однако таких исков в судебной практике

Узбекистана пока не отмечалось (что неудивительно, учитывая, что большинство споров решается внесудебно внутри спортивных структур).

Подводя итог, можно констатировать: национальное законодательство Узбекистана создало рамочные условия для антидопинговой деятельности (закреплены основные понятия, обязанности, создано агентство), но в части юридической ответственности за допинг оно опирается на внешние правила (ВАК) и общие нормы. Специального закона «О борьбе с допингом» или развернутого раздела в кодексах не принято. В этом смысле, борьба с допингом – сфера действия *lex specialis* международного спортивного права, встроенного в национальную правовую систему лишь отсылочными нормами. Возникает вопрос: достаточно ли такого подхода, либо назрела необходимость развития *lex specialis* уже на уровне национального права?

Гражданско-правовая ответственность за допинг: теоретическое обоснование

Почему возникает идея гражданско-правовой ответственности?

Допинговое нарушение на первый взгляд имеет характер сугубо дисциплинарный: спортсмен нарушил правило, установленное спортивной организацией, и понес наказание (дисквалификацию). Однако последствия допинга не ограничиваются самим фактом отстранения. Допинг искажает результаты соревнований, затрагивая интересы других атлетов (честно соревновавшихся и потерявших медали или места), спонсоров (чья репутация страдает при скандале), зрителей и болельщиков (обманутых в своих ожиданиях честного зрелища). В конечном счете, допинг наносит ущерб

SJIF:5.219

принципу спортивного равенства и справедливости, который можно рассматривать как благо, защищаемое правом.

С гражданско-правовой точки зрения, действия допинг-нарушителя могут рассматриваться как причинение вреда другим лицам или нарушение договорных обязательств:

- **причинение вреда (деликт).** Например, спортсмен А, занявший призовое место с применением допинга, лишает спортсмена Б заслуженной награды. Б недополучает причитающиеся призовые деньги, теряет потенциальные контракты, славу. Формально эти упущенные выгоды являются следствием неправомерных действий А. Можно ли говорить о причинении имущественного вреда, подлежащего возмещению? В теории – да, Б мог бы требовать компенсации утраченного денежного приза, премий и других выгод, которых он лишился из-за допинга А. Аналогично, если команда (эстафета) лишена результата из-за одного допингового участника, остальные члены команды теоретически могли бы предъявить ему регрессный иск за ущерб их спортивной карьере. Правда, на практике такие требования крайне редки: обычно вопрос решается аннулированием результатов и перераспределением медалей организаторами соревнований. Тем не менее, прецеденты в других юрисдикциях имели место – например, иски болельщиков или спонсоров к допингерам за нанесение вреда имиджу соревнований (в США рассматривалась возможность групповых исков к Лэнсу Армстронгу от зрителей за обман, хотя дальше обсуждений это не пошло).

- **нарушение договоров и обязательств.** Профессиональные спортсмены связаны множеством договоров: с клубом (трудовой контракт или контракт на выступление), со спонсорами и рекламодателями, с экипировочными компаниями, с организаторами турниров (соглашение о честном участии). В большинство таких договоров включаются условия о недопустимости допинга и о санкциях за нарушение. Допинг представляет собой существенное нарушение договора, дающее право другой стороне требовать его расторжения и возмещения убытков. Так, известен случай с Лэнсом Армстронгом: после признания в допинге он был обязан вернуть бонусы и выплатить крупную компенсацию компании SCA Promotions, ранее выплатившей ему премии за победы⁵. Эта компенсация фактически стала гражданско-правовой ответственностью за допинговое мошенничество. Другой пример – олимпийские комитеты ряда стран требовали от уличенных в допинге спортсменов возврата стипендий и грантов, полученных ими на подготовку, мотивируя это нецелевым расходованием средств ввиду нарушения спортсменом условий (честного участия). В Узбекистане подобные договорные санкции также возможны: например, Фонд поддержки спорта или спонсор, финансировавший атлета, может по условиям соглашения потребовать вернуть деньги, если атлет был дисквалифицирован за допинг. Более того, в профессиональных лигах ряда стран клубы в договорах прописывают штрафы для игроков за допинг (в размере части зарплаты и т.п.).

⁵ <https://www.theguardian.com/sport/2015/feb/16/lance-armstrong-fined-10m-drugs-lies-sca-promotions#:~:text=Lance%20Armstrong%20fined%20%2410m%20for,doping%20led%20to%20new%20case.>
SJIF:5.219

Границы применения гражданско-правовых мер. Введение гражданско-правовой ответственности должно учитывать специфику спортивных отношений. Не всякий ущерб легко конвертировать в денежную форму или однозначно возложить на нарушителя. Упомянутые примеры (потерянные призовые, выплаченные бонусы) – это прямой денежный эквивалент. Но как оценить “стоимость” утраченной медали или честной победы? Вправе ли спортсмен, занявший 4-е место, судиться с допинг-нарушителем, занявшим 1-е, за моральный вред или упущенную выгоду в виде несостоявшихся рекламных контрактов? Юридически такие иски возможны, но доказать прямую причинно-следственную связь и размер ущерба было бы чрезвычайно сложно. Поэтому механизм гражданского иска между спортсменами практически не применяется – пострадавшему достаточно того, что результата нарушителя аннулированы, и его самого дисквалифицировали (восстановление справедливости в спортивном смысле).

Скорее гражданско-правовые санкции уместны во взаимоотношениях **спортсмен – организация:**

- Федерация или клуб могут применить финансовые санкции к спортсмену по условиям договора (штрафы, требования возмещения расходов на юридическое разбирательство по его делу и др.).
- Спонсор – требовать возврата выплаченных сумм, если допинг спортсмена привел к репутационному ущербу или нарушил условия рекламного контракта.

- Организатор соревнования – в теории мог бы взыскать с дисквалифицированного спортсмена расходы на повторное награждение, перераспределение медалей или ущерб от отмены результата (хотя обычно эти расходы невелики или покрываются репутационными издержками).

Интересный аспект – **ответственность лиц, способствовавших допингу**, перед спортсменом. Например, тренер или врач, давший спортсмену запрещенный препарат без его понимания последствий, по сути нанес вред карьере атлета (которого дисквалифицировали) и его здоровью. Здесь прямой путь к иску о возмещении вреда здоровью и имущественных потерь (упущенный заработок за время отстранения). Подобные случаи разбирались в судебной практике бывшей ГДР: спортсмены, пострадавшие от системного допинга, успешно взыскивали компенсации с государства и тренеров за подорванное здоровье. В Узбекистане подобных громких процессов не было, но можно представить, что если, скажем, юниора склоняет к допингу его окружение, и это вскрывается, то родители юного спортсмена могут привлечь виновных к ответственности – вплоть до уголовной за вовлечение несовершеннолетнего в противоправные действия, а параллельно и гражданский иск о возмещении вреда.

Соотношение спортивных и гражданских санкций. Применение гражданско-правовой ответственности за допинг не исключает спортивной, а дополняет ее в частно-правовом поле. Чтобы это сочетание работало, необходимо четко определить границы: спортивная санкция (дисквалификация) наказывается нарушителя в рамках спортивной SJIF:5.219

юрисдикции и служит главным образом профилактике и обеспечению честности соревнований; гражданско-правовые меры направлены на компенсацию тем, чьи права и интересы были задеты нарушением. При этом не должно возникать двойного наказания (*ne bis in idem*) в юридическом смысле, так как спортивная дисквалификация формально не является мерой юридической ответственности государства. Она больше похожа на договорную меру внутри особой системы (*lex sportiva*). Поэтому ничто не препятствует, чтобы к одному и тому же факту допинга были применены:

- спортивная санкция (лишение медали, отстранение);
- меры трудового воздействия (увольнение из команды);
- гражданско-правовые последствия (расторжение спонсорского контракта, требование возмещения средств);
- в тяжелых случаях – и уголовная ответственность (например, к тренеру, вводившему допинг спортсменам).

Таким образом, теоретически гражданско-правовая ответственность вписывается в комплексную систему реагирования на допинг. Ее значение особенно возрастает при коммерциализации спорта: когда на кону крупные деньги и репутация, заинтересованные стороны не хотят ограничиваться лишь спортивными санкциями, но стремятся возместить потери. Поэтому в условиях профессионального спорта можно ожидать роста числа исков, связанных с допингом (хотя в идеале превентивная функция системы допинг-контроля должна этому препятствовать, выявляя нарушения до распределения благ).

Для Узбекистана, где профессиональный спорт и рынок спортивных услуг только развиваются, вопрос гражданско-правовых исков за допинг пока не проявлен ярко. Однако с интеграцией в мировое спортивное сообщество подобные ситуации могут возникать, и национальное право должно быть готово предложить решения.

Принцип *lex specialis* и допинговое регулирование: конфликт или гармония?

Применение гражданско-правовых норм к допинговым случаям ставит проблему соотношения общих и специальных регуляторов. *Lex specialis derogat generali* – известный принцип, согласно которому специальный закон имеет преимущество перед общим. В сфере спортивного права роль *lex specialis* играет комплекс антидопинговых правил и связанных норм (в том числе закрепленных в Законе о спорте), тогда как роль общего права – нормы гражданского, трудового, административного законодательства. Возникают вопросы: является ли антидопинговое регулирование автономной подсистемой, и в каких пределах на него распространяются общие нормы? Международный опыт показывает, что без четкого размежевания возможны коллизии.

***Lex sportiva* vs. национальное право.** Некоторые ученые характеризуют антидопинговую систему как **частный контрактный порядок, относительно автономный от национальных правовых систем**⁶. В ее рамках споры решаются делокализованными спортивными

⁶https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1599273#:~:text=The%20anti,of%20such%20concerns%2C%20it%20is.

арбитражами, а национальные законы не вмешиваются в процесс. Эта автономность стала предметом дискуссий: высказываются опасения, что избыточная автономность приводит к ущемлению прав спортсменов (например, права на неприкосновенность частной жизни при внезапном тестировании, права на справедливое разбирательство и др.), которые обычно защищены национальным законодательством. Однако попытки подчинить антидопинговые правила требованиям отдельных стран могут нарушить единообразие и эффективность борьбы с допингом. Здесь прослеживается тонкая грань: с одной стороны, нужно уважать *lex specialis* спорта, с другой – интегрировать его в правовое поле, не нарушая его сути.

Lex specialis в спортивном праве Узбекистана пока проявляется скорее как **отсылочная зависимость**: национальные нормы прямо указывают на применение международных антидопинговых правил. Это удачный прием в плане соответствия WADA – исключаются противоречия, поскольку любое изменение Кодекса WADA автоматически “подхватывается” национальной системой. Но минус – определенная неопределенность и недостаток легитимации с точки зрения национального права. Фактически происходит делегирование нормотворчества негосударственному органу (WADA), а наказание за допинг накладывается решением не государственных судов, а независимых панелей. Формально все согласовано с волей спортсменов (они обязуются при вступлении в спорт соблюдать эти правила), однако могут возникать коллизии, если, например, спортсмен попытается оспорить дисквалификацию в государственном суде, ссылаясь на несоответствие процедуры национальным процессуальным SJIF:5.219

гарантиям. В большинстве стран такие иски либо не принимаются, либо суды отказывают, признавая юрисдикцию CAS. В Узбекистане таких прецедентов не зафиксировано; вероятно, узбекские суды также придерживаются позиции невмешательства в спорт, что подтверждается отсутствием норм о подведомственности таких споров.

Тем не менее, потенциал конфликта существует: **коллизия между антидопинговыми правилами и, скажем, трудовым законодательством или уголовно-процессуальными нормами**. Например, допинг-тестирование вне соревнований предполагает внезапный приход допинг-офицеров к спортсмену домой в любое время (правило whereabouts). С точки зрения обычного права, принудительное взятие образцов у человека вне рамок расследования преступления – мера чрезвычайная. Но спортсмены добровольно на это соглашаются, иначе не получают допуска к стартам. Представим, однако, что кто-то из спортсменов заявит о нарушении конституционных прав (неприкосновенности жилища или частной жизни). Государственный суд, теоретически, мог бы признать правила WADA противоречащими национальной конституции. Это создало бы серьезный прецедент и проблемы с WADA. К счастью, подобных случаев не известно: спортсмены, как правило, предпочитают решать вопросы внутри спортивной системы. Но для предотвращения подобных ситуаций государства могут прямо в законе закреплять приоритет международных антидопинговых норм над внутренними. Кстати, в ст. 2 Закона Узбекистана о спорте есть норма: если международным договором установлены иные правила, чем в законодательстве о спорте, то применяются правила международного SJIF:5.219

договора lex.uz. Это своего рода внедрение *lex specialis* международного уровня в национальное поле.

Перспектива развития *lex specialis* в Узбекистане. С учетом сказанного, возможны два сценария:

1. **Укрепление текущей модели.** Оставить антидопинговые нормы преимущественно в плоскости спортивных правил и межведомственных актов, обеспечивая их выполнение через НАДА. При необходимости вносить точечные изменения в Закон о спорте (как это делалось в 2015 г.), чтобы охватить новые аспекты (например, включить понятие запрещенной ассоциации, если его сейчас нет в тексте). Гражданско-правовые и трудовые вопросы решать в рамках общих норм (контракт – по общим правилам договорного права, ущерб – по нормам о вреде). Этот путь максимально сохраняет гармонию с WADA и не требует больших реформ.

2. **Выделение отдельного закона или раздела – *lex specialis* о допинге.** Такой закон мог бы комплексно урегулировать: понятия допинга, права и обязанности всех субъектов (спортсменов, тренеров, врачей, организаций), процедуры допинг-контроля (в тесном соответствии с международными стандартами), а также виды ответственности **на национальном уровне** – дисциплинарной, административной, гражданско-правовой, а при необходимости и уголовной. Например, в закон можно включить норму о том, что спортсмен, нарушивший антидопинговые правила, обязан возместить все полученные им призовые и выгоды, а также убытки, понесенные

из-за его допинга третьими лицами (по решению суда или соответствующего органа). Это создало бы чёткую правовую основу для гражданских исков. Также можно предусмотреть штрафы (административные) за допинг – как это сделано в ряде стран Европы. Однако при подготовке такого закона крайне важно учесть международные требования, чтобы не возникло рассогласования, как в российском случае. Вероятно, оптимальным решением был бы закон-прямое отражение Кодекса WADA в национальных положениях, с добавлением национальной специфики. Некоторые государства (например, Китай, Германия) приняли специальные антидопинговые законы, не отменяя роль спортивных санкций, но дополняя их. Для Узбекистана подобный путь стал бы “шагом к *lex specialis*” – оформлению собственных специальных норм, не дожидаясь каждый раз изменений извне. С другой стороны, есть риск избыточной криминализации или бюрократизации процесса, что может осложнить отношения с WADA.

В свете позитивной оценки, которую WADA дала работе узбекской НАДА в 2023 г. (включение в список эффективных организаций), можно заключить, что текущая система справляется со своими задачами. Случаи нарушений выявляются, спортсмены несут наказание (дисквалификации), инструменты пропаганды и профилактики допинга внедряются (создана онлайн-платформа для проверки лекарств, выдаются терапевтические разрешения нуждающимся спортсменам). Это означает, что принцип *lex specialis* в формате следования международным правилам работает. Но по SJIF:5.219

мере того, как спорт в стране будет становиться более профессиональным и коммерческим, вопрос юридической ответственности (в том числе гражданской) может встать острее – например, клубы начнут активнее защищать свои имущественные интересы, пострадавшие от допинга игроков, через суды. Поэтому уже сейчас следует вести научную дискуссию и законодательную подготовку, чтобы при необходимости внести соответствующие изменения.

Результаты исследования

Антидопинговое регулирование представляет собой автономную, специализированную систему (lex sportiva), основанную на Всемирном антидопинговом кодексе. Данный lex specialis действует в масштабах всего мирового спорта, и национальные законодательства вынуждены либо прямо инкорпорировать его нормы, либо как минимум не противоречить им. Республика Узбекистан избрала модель прямого следования международным антидопинговым правилам, закрепив в законе обязанность соблюдать правила, утвержденные WADA. Это обеспечило высокую степень гармонизации: международные стандарты применяются непосредственно. В то же время, такой подход означает, что значительная часть норм находится вне национальных кодексов, что может затруднять их практическое применение через государственные институты (суды, органы принудительного исполнения и т.п.).

Гражданско-правовая ответственность за допинговые нарушения в настоящий момент не получила развития в законодательстве Узбекистана, но существует де-факто через договорные механизмы.

Спортсмен, уличенный в допинге, влечет последствия: аннулирование его результатов автоматически означает утрату им призовых, званий, возможно, стипендий. На практике это реализуется через спортивные решения (решение CAS или НАДА). Если же требуется вернуть денежные средства, может подключаться гражданско-правовой путь – взыскание неосновательного обогащения или убытков. В исследовании показано, что в ряде случаев такие требования возникают (возврат бонусов спонсорам, компенсация отстраненной команде и т.д.), и общие нормы права позволяют их удовлетворить, хотя прямых прецедентов в РУз пока не было. Нынешнее законодательство не препятствует таким искам, но и специально их не регулирует.

Принцип *lex specialis* применительно к допингу означает приоритет специальных антидопинговых норм над общими нормами права, однако требует четкого разграничения компетенции. Спортивные организации вправе самостоятельно устанавливать и применять санкции к спортсменам за допинг – и национальное право должно признавать эти решения (например, не допускать повторного привлечения к ответственности за то же деяние). Узбекистанское законодательство не содержит норм о том, может ли государственный суд пересмотреть решение антидопинговой дисциплинарной комиссии. По умолчанию – нет, учитывая частный характер спора. Но для гарантии прав спортсменов государство могло бы установить процедуру ограничения участия дисквалифицированных спортсменов в официальных мероприятиях, придать решениям НАДА статус, обязательный для всех спортивных организаций страны. В целом, исследования SJIF:5.219

показывают, что смешение юрисдикций несет риски: лучшая стратегия – их комплементарность. Государство создает рамки (например, уголовно карает распространителей допинга, дает полномочия агентству, обеспечивает исполнение санкций), а спортивное сообщество осуществляет материально-правовое регулирование (определяет, что считать допингом и как наказывать спортсменов).

В законодательстве Узбекистана прослеживается тенденция к формированию элементов *lex specialis* спортивного права. В 2015 г. были внедрены понятия допинга и антидопинговых правил, в 2018–2023 гг. создан отдельный орган (НАДА) с особыми полномочиями. Тем самым спортивное право обогащается особыми институтами, ранее отсутствовавшими. Однако эти новеллы пока не переросли в самостоятельный комплексный акт (антидопинговый закон). Перспектива его разработки зависит от дальнейших потребностей. Исследование показывает, что при сохранении текущего уровня нарушений достаточно использования существующих рычагов. Но если возникнет необходимость усилить профилактику или отвечать на новые вызовы (например, допинговые технологии, вовлечение несовершеннолетних), может потребоваться специальное регулирование.

Сравнительный анализ демонстрирует, что узбекский подход соответствует общемировым тенденциям невмешательства в спортивную *lex specialis* при одновременном усилении ответственности за сопутствующие деяния (склонение, распространение). Узбекистан не вводил пока ни административных штрафов, ни уголовных наказаний сугубо за факт допинга спортсмена – и это соответствует политике WADA, которая SJIF:5.219

выступает против уголовного преследования спортсменов за употребление допинга (поскольку это может отпугивать их от сотрудничества и подрывать всемирную унификацию). Вместо этого акцент делается на государственной поддержке антидопинговой системы: финансирование НАДА, предоставление ей статуса и ресурсов, сотрудничество с WADA. Такой баланс признан эффективным WADA (высокая оценка НАДА в 2023 г. свидетельствует об этом).

Вместе с тем выявлены потенциальные пробелы: отсутствие детализированных норм о последствиях допинга может затруднить реализацию гражданско-правовых требований. Например, если спортсмен откажется добровольно вернуть медаль и призовые, кто и как будет этого добиваться? Нужен ли отдельный механизм или достаточно общих норм о неосновательном обогащении? На эти вопросы законодательство прямо не отвечает. Также нет ясности, может ли узбекский суд признать недействительным контракт спортсмена с тренером, если последний давал запрещенные препараты (теоретически, как договор, противный нравственным основам – мог бы). Все эти ситуации пока гипотетические, но лучше их предусмотреть заранее.

Необходима дальнейшая интеграция принципов *lex specialis* в законодательство с соблюдением международных стандартов. Рекомендуется проработать вопрос о принятии отдельного нормативного акта – например, Положения об ответственности за нарушение антидопинговых правил – на уровне правительства или закона. В нем можно отразить: процедуру лишения спортсменов государственных наград и званий

SJIF:5.219

при допинге, обязанности по возврату денежных призов в бюджет или спонсорам, запрет на трудоустройство дисквалифицированных тренеров в государственные спортшколы и т.д. Такие нормы придадут большей “связности” между спортивной и правовой системами. Главное – они не должны вступать в противоречие с кодексом WADA. Оптимальным решением было бы тесное сотрудничество НАДА с Минюстом и профильным комитетом парламента при разработке таких положений.

Заключение

Борьба с допингом в спорте находится на стыке частной автономии спортивных организаций и публичных интересов государства. Анализ показал, что *lex specialis* антидопингового регулирования уже сформирован на международном уровне и активно проникает в национальное право Узбекистана. Гражданско-правовая ответственность за допинговые нарушения пока не институционализирована отдельными нормами, но существует имплицитно – через механизмы возмещения вреда и ответственности по договорам. В перспективе, с ростом профессионального спорта и экономической значимости спортивных результатов, потребность в таких механизмах будет увеличиваться.

Узбекистанское законодательство стоит перед выбором: оставить допинг делом саморегулирования под эгидой WADA, либо развивать собственное *lex specialis*, уточняя и дополняя международные правила. Сделанный в работе обзор позволяет предложить сбалансированный подход. С одной стороны, необходимо сохранить полное соответствие национальных антидопинговых правил мировым стандартам, чтобы избегать правовых

SJIF:5.219

коллизий и санкций со стороны WADA. С другой – целесообразно четче прописать на национальном уровне последствия допинга, в том числе в гражданско-правовой плоскости. Представляется разумным закрепить в законе (или подзаконном акте) норму о том, что спортсмен, нарушивший антидопинговые правила, обязан вернуть все полученные им выигрыши, призовые выплаты и иные выгоды, связанные с результатом, достигнутым нечестным путем. Это станет правовой основой для предъявления регрессных требований организаторами или спонсорами без противоречия международным правилам (поскольку и так является требованием ВАК).

Кроме того, в развитие *lex specialis* можно рассмотреть введение административной ответственности спортивных организаций (например, клубов) за несоблюдение условий проведения допинг-контроля. Такая мера стимулирует клубы и федерации активно сотрудничать с НАДА и пресекать случаи укрывательства допинга. Что касается уголовно-правовой сферы, то возможно введение ответственности за склонение несовершеннолетних спортсменов к применению допинга – это наиболее чувствительная область, требующая особой защиты.

В заключение подчеркнем: гражданско-правовая ответственность за допинговые нарушения не должна рассматриваться в отрыве от всей системы спортивной ответственности. Её внедрение будет эффективным только при условии сохранения ключевой роли спортивных санкций и тесного взаимодействия с международными институтами. *Lex specialis* спортивного права – не цель сама по себе, а инструмент для обеспечения чистоты и справедливости в спорте. Шаг в направлении *lex specialis* в праве
SJIF:5.219

Узбекистана должен выражаться не в создании изолированной системы, а в выработке таких норм, которые, оставаясь специальными, дополняют и усиливают общие начала права, обеспечивая защиту прав добросовестных спортсменов и интересов общества в честном спорт.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте (Париж, 19 октября 2005 г.) – ратифицирована Республикой Узбекистан Законом № ЗРУ-275 от 27.12.2010 г.
2. Всемирный антидопинговый кодекс WADA. Редакция 2021 г. (World Anti-Doping Code 2021). – Монреаль: Всемирное антидопинговое агентство, 2021.
3. Закон Республики Узбекистан “О физической культуре и спорте” (новая редакция), принят 4 сентября 2015 г. № ЗРУ-394.
4. Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-3456 от 03.01.2018г. “О мерах по организации деятельности Национального антидопингового агентства при Кабинете Министров Республики Узбекистан”.
5. Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-149 от 08.05.2023г. “О мерах по эффективной организации деятельности Национального антидопингового агентства Республики Узбекистан в рамках административных реформ”.

6. Chebotarev A.V. Юридическая ответственность за нарушение антидопинговых правил в России: проблемы и перспективы // Вестник юридического факультета НИУ ВШЭ. – 2019. – № 1. – С. 76–99.
7. Mazzucco M.F. Lex Sportiva and the Regulation of Doping in International Sport. – SSRN Electronic Journal, July 2010. – 5 p.
8. <https://caravan-info.uz/ru/sport/814642-doping-v-sporte-problemy-zakonodatelstva-mezhdunarodnyy-kontrol-i-situatsiya-v-uzbekistane.html>.
9. <https://vesti.uz/uzbekskij-chempion-skryvalsja-ot-proverki-na-doping>.
10. Reuters/Ozodlik. <https://rus.ozodlik.org/a/29968055.html>.